

Надя рассказывает о любви и черепахах

Мой дедушка — худой и стройный, среднего роста, с густыми бровями, серебристыми, как вереск. Он живёт во Флориде, в кооперативной высотке на берегу океана. Живёт он там со своей новой женой, которую называет Марджи. Мне было сказано звать её Маргарет, не тётя Маргарет и не миссис Даймондстейн. Мне кажется, это неуважительно — называть просто по имени женщину, которая по возрасту годится мне в бабушки, но я делаю как мне сказали.

Прошлым летом, как раз перед женитьбой дедушки на Маргарет, родители мои развелись, и мы с мамой переехали в штат Нью-Йорк, где прошло её детство. Мама сказала, что ей в жизни остро не хватает осени. А я и не думала, что увижу осень — в Нью-Йорке или ещё где, — потому что, даже когда мы проводили каникулы в каком-нибудь месте, где осень в принципе бывает, в конце лета всё равно приходилось оттуда уезжать, чтобы успеть к началу учебного года. Во Флориде он начинается ещё до

Дня труда*. И, что бы там ни говорил календарь, во Флориде круглый год лето.

В ходе развода была достигнута договорённость, что я буду проводить с папой День благодарения**, весенние каникулы и один месяц летом. Рождество он оставил маме, потому что это её праздник, не его. Я — плод смешанного, межрелигиозного брака.

В это лето — первое лето после развода — своё право на общение с ребёнком папа решил реализовать в августе. Он встретил нас в пятницу рано вечером. Нас — это Джинджер и меня. Джинджер — моя собака. Не знаю, кто больше обрадовался, увидев меня в аэропорту, — папа или Джинджер. Потому что перед вылетом мне пришлось сдать её в багажное отделение, и вот это было самое плохое.

Папа всегда был нервным, но после развода он стал окончательно и безнадежно нервным. Ему трудно было учиться жить одному. Он продал дом, в котором мы жили все вместе, когда были одной семьёй, и переехал в жилой комплекс «для жизнерадостных одиночек в активном поиске», но только папа мой жизнерадостен примерно как старые ворота на ржавых петлях и ровно настолько же способен к активному поиску.

В первые полтора дня после моего приезда папа нависал надо мной, как телевизионный дирижабль

* День труда в США отмечают в первый понедельник сентября. (Здесь и далее — примечания переводчика.)

** А День благодарения — в четвёртый четверг ноября.

«Гудьир» над стадионом «Апельсиновая чаша» (это тут, во Флориде, в Майами). Это нависание не нравилось ни ему, ни мне, но он не знал, что ещё со мной делать, а я не знала, что ему сказать, кроме как попросить не нависать, — но это, похоже, было единственное, что ему хорошо удавалось.

В воскресенье мы поехали к дедушке Иззи и Маргарет.

Дедушка Иззи очень мне обрадовался. Глаза у него под этими кустистыми бровями ярко-синие, как внезапно мелькнувшая изнанка птичьего крыла. Глаза — это в нём всегда было самое живое, но, когда бабуля Фрида умерла, дедушкины глаза, казалось, умерли вместе с ней. Однако с тех пор, как он женился на Маргарет, они опять стали ярче и словно излучают собственный свет. Дедушке шестьдесят девять лет, и он влюблён.

Маргарет — низенькая и блондинистая. Она абсолютно не похожа на мою бабулю, зато как две капли воды похожа на тысячи других женщин, поселившихся в южной Флориде. В штате Флорида огромное количество блондинистых вдов, и все совершенно одинаковые, хоть новую породу регистрируй. Как и все они, Маргарет одевается чудовищно: брючные костюмчики пастельных цветов с поясом на резинке или белые штаны и блузы навывпуск — яркие, вырвиглаз, с крупным рисунком. Очки свои — бифокальные, в голубой оправе — она носит на золотой цепочке на шее. Они все так делают. Маргарет не толстуха, хотя уж точно не худышка. В талии она совсем круглая и в зелёном брючном костюме

из полиэстера напоминает яблоко сорта «Грэнни Смит»*. Хотя дедушка Иззи сказал бы, что это сорт «Делишес»**.

Дедушка Иззи и Маргарет похожи на парочку из детского стишка: худющий муженёк, который не ест ничего жирного, и толстушка-жёнущка, которая не ест ничего постного. Дедушка Иззи говорит, что Маргарет — *зафтиг*, что на идише означает «приятно пухленькая», этакая пышечка. Ему всё в ней нравится. Он просто удержаться не может, чтобы не ущипнуть её — или себя, словно не веря, что ему выпало счастье на ней жениться. Такие откровенные проявления влюблённости вообще-то могут и смущать девочку предпубертатного возраста, не привыкшую находиться в обществе супругов, которые друг другу нравятся.

В воскресенье мы поехали на бранч в одно из тех гигантских заведений, где меню маленькое, а порции огромные, и каждый посетитель почтенного возраста уходит с пенопластовой коробочкой, в которой забирает домой всё, что не смог доесть. Нам пришлось ждать, пока нас усадят, потому что для флоридских пенсионеров воскресный бранч — очень важная традиция. Папа дважды спросил девушку-администратора, сколько ещё нам ждать. Дедушка Иззи и Маргарет пытались объяснить папе, что они совсем не против подождать, поскольку часть плана

* *Granny Smith* — «Бабуля Смит».

** *Delicious* — «Вкусно».

состояла в том, чтобы провести время вместе, а это можно делать и в ресторане. Но папа, видимо, так здорово научился нависать на малых высотах, что уже не мог делать ничего другого.

Когда нас наконец усадили, всё получилось очень неплохо. Маргарет заказала бельгийские вафли, и ей не понадобилась пенопластовая коробка для остатков, потому что остатков не было: она съела всё, что лежало на тарелке, включая клубничное варенье, искусственные взбитые сливки и всё-всё-всё. И кофе без кофеина она заказывать не стала — выдула три кружки обычного.

Ко мне Маргарет не проявила никакого интереса. Я думала, она начнёт расспрашивать, как мне нравится наш новый дом в Эпифании, потому что именно в этом городе она жила, пока не переехала во Флориду. Может, она думала, что и я не интересуюсь ею, потому что я не стала расспрашивать об их свадьбе, на которой ни мамы, ни меня не было. Но я считаю, что взрослые должны первыми задавать вопросы, и к тому же мы с мамой получили полный и подробный отчет от Ноа Гершона, который в силу непредвиденных обстоятельств оказался на этой свадьбе шафером. Рассказ Ноа об этих непредвиденных обстоятельствах показался мне не таким забавным, как ему самому, но по ряду причин я решила об этом умолчать.

Одна из этих причин состояла в том, что моя мама работает у доктора Гершона, а он — папа Ноа. Моя мама по профессии зубной гигиенист, а доктор Гершом — дантист. Мы, в частности, потому и перееха-

ли, что мама нашла в Эпифании работу. Конечно, она отличный гигиенист, и доктору Гершому очень повезло, но тем не менее я решила не говорить Ноа, что его рассказ о свадьбе моего дедушки не так уж сильно меня развеселил.

Папин жизнерадостный жилой комплекс находится очень далеко от района, где мы жили раньше. Я позвонила двум бывшим друзьям, но договориться о встрече оказалось не так-то просто. Когда-то наш распорядок дня совпадал, а теперь — как будто мы в разных часовых поясах. Оказывается, география имеет значение.

Когда мы наконец встретились, я думала, нам будет весело. Но нет. То ли я изменилась, то ли они, то ли и то и другое. Я решила не повторять этот опыт. Наверное, многие дружбы зарождаются и поддерживаются по чисто географическому принципу. Я предпочитаю общество Джинджер.

Похоже, работа — единственное, что не даёт папе рассыпаться на куски; но, оставляя меня дома одну, он явно чувствовал себя виноватым и потому нервничал ещё сильнее, если это, конечно, вообще возможно. Половину времени я проводила в бассейне его жизнерадостного комплекса — днём там почти никто не плавал. Ещё я читала, смотрела ток-шоу и гуляла с Джинджер вокруг поля для гольфа, которое примыкает к комплексу. Мне было хорошо и спокойно, потому что папа надо мной не нависал, но ему, конечно, я об этом не говорила.

Дедушка Иззи звонил каждый день. Он предлагал приезжать в жизнерадостный комплекс и забирать меня к ним — но не сразу после того, как папа уезжает на работу, а после утреннего часа пик, чтобы не было пробок. Все пенсионеры в южной Флориде ждут окончания утреннего часа пик; поэтому, выезжая наконец на шоссе, они создают новый час пик с новыми пробками. Но я отказалась. Тогда в четверг, после моей неудачной встречи с бывшими друзьями, дедушка позвонил с новым предложением. Он попросил папу завезти меня к ним с утра пораньше, а уж потом ехать на работу. Потому что приехал Итан, внук Маргарет, мой ровесник, и дедушка решил, что, если я тоже к ним приеду, это будет хорошо для нас обоих. Я подумала, что под «нами обоими» он имеет в виду меня и Итана, но, может быть, он имел в виду меня и папу, потому что, когда папа повесил трубку, на лице его было написано огромное облегчение.

У меня было только одно условие: чтобы мне разрешили взять с собой Джинджер. Во многих пенсионерских многоэтажках правила запрещают не только держать собак в квартирах, но и приводить в гости; к тому же я не знала, как Маргарет относится к собакам. Но дедушка Иззи сказал, что Джинджер никому не мешает. Ещё бы. Она никогда в жизни никому не мешала. Джинджер — гениальная собака.

Не знаю, то ли во мне просыпается интерес к мальчикам, то ли я бы в любом случае помыла голову и надела новую блузку. Возможно, я перехожу из предпубертатного возраста в пубертатный, а может,

мне просто стало любопытно, что там за Итан такой. Например, почему в воскресенье в ресторане Маргарет не сказала, что он приезжает? Она, правда, упомянула, что у неё есть внук моих лет, но больше почти ничего о нём не говорила. Большинство бабушек, принадлежащих к тому же виду, что и она, таскают с собой фотоальбом размером с кофейный столик в дамских сумочках размером с чемодан. То ли Маргарет — всё-таки редкий подвид бабушек, то ли этот Итан забабахал себе странную причёску. Когда бабушки недовольны внуками, дело, как правило, в причёске. Или в музыке. Или в том и другом. Она наверняка узнала о его приезде как минимум две недели назад, ведь обычно авиабилеты покупают заранее, чтобы получить скидку.

Дедушкина пенсионерская многоэтажка — в трёх городах к северу от папиного жизнерадостного жилого комплекса. На шоссе между ними очень плотное движение, «тянучка». Папа плохо рассчитал время, и мы приехали, когда они уже отправились на утреннюю прогулку. Папа отдал мне ключ, и я сама вошла в квартиру. На холодильнике была записка — что они пошли к черепахам и чтобы я располагалась и чувствовала себя как дома. Записка была написана почерком Маргарет. Очень чётким: *a* и *o* не перепутаете. Это был гладкий, ровный, округлый почерк, каким писали учителя старого поколения — а Маргарет, до того как выйти на пенсию, была сперва именно что учительницей, а потом директором начальной школы.